

DOI10.25991/VRHGA.2020.21.3.015

УДК 1 (091)

*А. Г. Никулин**

**ПРОДОЛЖАЯ ТРАДИЦИЮ.
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. О. ЛОССКОГО**

Статья посвящена одному из ярких русских философов XX в. Н. О. Лосскому. Рассматривается преемственность интуитивизма русской философской традиции и культуре. Выявляется особенность построения Лосским теории познания как онтологической гносеологии. Анализируется критика отечественными авторами основных положений интуитивизма. Прослеживается построение Лосским на базе интуитивизма в гносеологии метафизической концепции, которую он называет конкретным идеал-реализмом. Определяется общность этой концепции традиции русской религиозной философии. Ставится вопрос о преемственности интуитивизма Лосского современной отечественной философии через его последователей и тех современных авторов, кто занимается исследованием его творчества.

Ключевые слова: русская философия, интуитивизм, онтологическая гносеология, идеал-реализм.

A. G. Nikulin

*CARRYING ON TRADITION. ON THE 150th ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF N. O. LOSSKY*

The article is dedicated to one of the brightest Russian philosophers of the 20th century N. O. Lossky. The continuity of intuitionism of the Russian philosophical tradition and culture is considered. A feature of the construction of the Lossky theory of cognition as an ontological theory of knowledge is revealed. The author analyzes the criticism of the main principles of intuitionism by domestic authors. The construction of Lossky on the basis of intuitionism in epistemology of a metaphysical concept, which he calls concrete ideal realism, is traced. The community of this concept of the tradition of Russian religious philosophy is determined. The question is raised about the continuity of the intuitionism of Lossky modern Russian

* Никулин Антон Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский университет МВД России; antonikul@rambler.ru.

philosophy through his followers and those modern authors who are engaged in the study of his work.

Keywords: Russian philosophy, intuitionism, ontological theory of knowledge, ideal realism.

В канун 150-летия со дня рождения Н. О. Лосского, обращаясь к его наследию, вновь испытываешь изумление перед подвижниками, создававшими свои философские системы в России в конце XIX — начале XX столетия. Удивительная гибкость мышления, энциклопедические познания, полнейшая самоотдача начатому делу и стремление привести картину мира в строгую систему, присущие этим мыслителям, в превосходной степени относятся к основателю философии интуитивизма. Искреннее уважение вызывает стремление вывести русскую философию на уровень высших академических европейских образцов и тем самым интегрировать в общемировую философскую традицию, причем без утраты лучших ее национальных качеств.

Нерв философских построений начала XX в. составляла единая цель интеллектуально-нравственного преобразования России, в философских сентенциях не только выражались отвлеченные беспристрастные суждения, а находили обоснование идеи высшей справедливости и свободы, преемственности духовной культуры и прогресса, традиционной религии и науки.

Философская система, создававшаяся Н. О. Лосским на протяжении всей его жизни, в полной мере воплотила в себе чаяния русской интеллигенции, которая в 20-е гг. в лице виднейших представителей была насильственно оторвана от своих корней и продолжила творческий путь в вынужденной эмиграции (см., напр.: [10]). К сожалению, высылка за пределы России достигла каверзной цели — приостановилось развитие интеллектуальной сферы нашей страны, ее интеграция в общемировую систему, а заодно была нарушена преемственность собственной культурной традиции.

Преемственность традиции в истории русской философии вообще вопрос «сложный» и неоднозначно решаемый. «Драматические отношения между государством, государственной идеологией и философией и интенция на “одействование” философской истины определили особый характер наследования в истории русской мысли» [11, с. 38]. 1922 год в истории был далеко не единственным, когда по тем или иным причинам насильственно прерывалась преемственность в философской традиции. Да и сложилась ли она в полной мере? В смысле формирования «школ», как это было в Европе, — нет. Как справедливо замечает А. А. Ермичев, у нас было много почитателей Соловьева, но «соловьевство» не состоялось. «Преемственность в русской мысли другая, чем в европейской философии, ибо интенция ее иная — не на познание объекта, выделенного наукой, а на окружающую жизнь и даже более — на изменение ее» [11, с. 40].

Очевидно, задача, которую выполняли сотрудники ГПУ в 1922 г., высылая за границу «точечно» тех «неблагонадежных», кто владел умами студенчества и через себя транслировал традицию русской культуры и науки, сводилась к осуществлению этого разрыва. «Выпускник Дерптского университета С. К. Минин выступил в 1922 г. с лозунгом “Философию — за борт”, утверждая,

что пролетариату философия не нужна, т. к. она является мировоззрением буржуазии» [34, с. 60]. «Реформа» университетского образования, проводимая большевиками, в частности классовый подход при отборе студентов, не могла уложиться в сознании академического ученого сообщества, о чем свидетельствуют и протоколы допросов высылаемых мыслителей.

Однако, как это уже неоднократно происходило, «маятник» в положенное ему время качнулся обратно, и вот в «1939 г. решением ЦК ВКП(б) Советского правительства на базе кафедры диалектического и исторического материализма исторического факультета Ленинградского университета было создано философское отделение, а 23 июня 1940 г. открылся философский факультет» [34, с. 60]. В Московском университете философский факультет был воссоздан в декабре 1941 г., кафедра истории русской философии — в 1943 г. Начиналась новая история, в которой постепенно себя обнаруживать начинаем и мы.

Наши изыскания в истории русской мысли начала XX в. можно сравнить с археологическими раскопками. Мы живем в иной социокультурной среде, после физического уничтожения целых социальных слоев — дворянства, священства, «неблагонадежной» старой интеллигенции, — мы во многом изменились генетически, мы другие люди, но волнуют нас те же вопросы, а в стремлении найти ответы на них мы обращаемся к русским философским системам, к истокам нашей культуры, и так же, как подвижники русской религиозной мысли, начинаем усматривать их в Истинах Откровения. Русская религиозная метафизика начинает мыслиться нами как методология постижения русской истории и действительности, не навязывающая ей ничего извне, но аутентичная, имманентно присущая самой истории.

Николай Онуфриевич Лосский родился 6 декабря 1870 г. в местечке Креславка Витебской губернии [20]. Он обучался в Санкт-Петербургском университете сначала на естественнонаучном отделении физико-математического факультета, затем на историко-филологическом факультете. В 1903 г. ему была присвоена степень магистра философии за диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма». В 1907 г. — степень доктора за диссертацию «Обоснование интуитивизма». В 1922 г. Н. О. Лосский был выслан из России и до 1942 г. проживал в Праге, где являлся профессором в Русском университете. Затем Лосский переехал во Францию, а с 1947 г. жил в США, где преподавал в Св.-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. Последние годы жизни он провел во Франции, где и умер 25 января 1965 г.

Кончина Н. О. Лосского как бы символизирует конец целой эпохи русской культуры — периода русского религиозно-философского Ренессанса, давшего России и миру целую плеяду высокоталантливых мыслителей, из которых Лосскому принадлежит, думается, первое место. С его смертью с русской культурной сцены ушел «последний из могикан» этой эпохи [18, с. 322].

Философская система интуитивизма, созданная Лосским, интересна во многих аспектах: обоснование интуиции как метода познания, обращение к философскому реализму как способу мыслить сущее, избегая крайностей идеализма и спиритуализма, с одной стороны, и механицизма, и материализма — с другой. Интуитивизм обретает обоснование в сфере естественнонаучного знания, и Лосский стремится к формированию действительно

цельного знания, не только с точки зрения внутреннего принципа мышления, но и по своей форме.

Безусловной заслугой интуитивизма Лосского является его решение создать пропедевтическую теорию познания, «чистую» от каких бы то ни было «догматических предпосылок», будь то эмпиризм, рационализм, или критицизм Канта. Не стесняясь теорией Канта о непроходимой пропасти между человеческим знанием и реальным миром, Лосский обосновывает возможность всякого индивида познавать трансцендентный ему мир, основываясь на «доступном всем» — интуиции как способности непосредственного созерцания элементов мира в подлиннике.

Лейтмотивом его философской системы являются слова, высказанные на первых страницах «Обоснования интуитивизма», которые наверняка были услышаны многими представителями интеллигенции, на которых это философское исследование было рассчитано:

В душе каждого человека, не слишком забитого судьбою, не слишком отесненного на низшие ступени духовного существования, пылает фаустовская жажда бесконечной широты жизни... Но если мое я не может расширяться и отождествиться с другим я, то все же у меня есть средство выйти из границ индивидуальности, хотя бы отчасти: оно заключается в знании. <...> Мы говорим о таком знании, какое дает поэт, постигающий вплоть до глубочайших изгибов внутреннюю жизнь мира, все то, что кроется в самых интимных тайниках души всякого существа [25, с. 17–18].

В культурно-историческом аспекте интуитивизм выражал общее настроение широкого круга интеллигенции начала XX столетия. Футуристы находили в интуиции способ нового смысловыражения и полагали, что их творчество и своеобразные теоретические разработки представляют собой форму реалистического мировосприятия, которой они прочили большое будущее.

П. Н. Филонов свое искусство называл аналитическим искусством: «Базируйся на свой интеллект и на аналитическую интуицию Мастера-Исследователя-Изобретателя» [15, с. 227]. В качестве метода он предлагает «научный, аналитический, интуитивный натурализм» [42, с. 13].

Близкий друг Филонова и его ученик М. В. Матюшин публикует манифест, возглавляемого им объединения художников, под названием «Зорвед». «“Зорвед” впервые вводит наблюдение и опыт доселе закрытого “заднего плана”, все то пространство, остававшееся “вне” человеческой сферы по недостатку опыта» [30, с. 15].

А. В. Туфанов создает новое направление в поэзии, основная идея которого, так же, как и у А. Е. Крученых и В. Хлебникова, состоит в том, чтобы, изменяя фонетическую структуру слова, подчинить себе означаемое, в желании непосредственного перехода от звука к смыслу без вмешательства ума, т. е. «за-умно» [41]. Крученых в книге с интригующим названием «Взорваль» проясняет эту же мысль: «Переживание не укладывается в слова (застывшие понятия) — муки слова — гносеологическое одиночество» [17].

Казимир Малевич создает «поэтически-теоретическое» учение «нового реализма», которое он называет супрематизмом. Он пишет: «Новая моя живопись

не принадлежит земле исключительно. Земля брошена, как дом, изъеденный шашлями. И на самом деле, в человеке, в его сознании лежит устремление к пространству, тяготение «отрыва от шара земли» [29, с. 192]. «Пространство больше неба, сильнее, могучее, и наша новая книга — учение о пространстве пустыни» [29, с. 195]. Хотя, как справедливо замечает Ж.-Ф. Жаккар, реализм Малевича относится им самим только к «живописи-вещи», а отнюдь не к природе. «В этом плане реалистический опыт заключается в невероятной миссии, поскольку пытается представить то, что не существует» [13, с. 76].

Лейтмотив интуитивизма можно расслышать и в теоретических построениях ряда ученых-естественников и психологов (теория доминант А. А. Ухтомского, теория ноосферы В. И. Вернадского), он находил выражение в утверждении за интуицией основополагающей роли в процессе познания; обосновании органичности мироздания; утверждении реальности сверхмировых, сверхиндивидуальных или идеальных форм бытия.

Так, Ухтомский устанавливает фундаментальный закон доминанты, который является основой его гносеологии: «...мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему и к кому приготовлены наши доминанты» [43, с. 9]. «Интуиция раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква» [43, с. 15]. Мир представляет собой живое единство материи и духа. Норма бытия — в беседе, когда «уши каждого открыты для всех» [43, с. 15]. Однако идея всепроникновенности всех для всех и, соответственно, возможность предвидеть на основании знания доминант любого момента будущего лишена мистицизма. «Прислушиваясь к движению времени, человек ухватывает предреказания истории интуитивным аппаратом, который мы называем наблюдательностью, пронизательностью, совестью» [43, с. 16]. Таким образом, реализм оказывается основанием мировосприятия Ухтомского, дающим ему возможность рассуждать о всепроникновенности элементов мира.

Вопросы культурно-исторических взаимосвязей на плодородной почве органического, идеал-реалистического понимания мироздания, основанного на принципах интуитивизма, далеко выходят за рамки статьи и требуют отдельного рассмотрения. Укажем лишь на замечание, которое сделал Н. О. Лосский по этому поводу:

Возможно, что интерес к моей книге («Обоснование интуитивизма». — А. Н.) основывался у некоторых лиц на некотором недоразумении, именно на предположении, что я называю словом интуиция особую загадочную способность, присущую лишь некоторым высокоодаренным лицам. В действительности я разумел под словом интуиция нормальные обычные способы восприятия и умозрения, но задался целью показать, что все они имеют характер непосредственного созерцания бытия в подлиннике. <...> Утверждая, что всякое познание есть видение самой живой действительности, я задался целью дать положительное истолкование и метафизическому умозрению, и научному наблюдению, и религиозному опыту [20, с. 112–113].

Понимание философской системы Н. О. Лосского отчасти осложняется тем, что он, стремясь создать прежде всего гносеологическую теорию и излагая ее на страницах своих ранних работ, тем не менее основывается на представ-

лении о мире как органической системе (еще не разработанной онтологии), в чем он сам позднее признается.

Своеобразная онтологическая природа «я», именно субстанциональность его была для меня несомненно истиною, опирающейся не только на косвенные соображения, но и на непосредственное восприятие своего «я», как существа, стоящего выше психологических проявлений [20, с. 92].

Гносеология Лосского онтологична, в ней утверждается наличность бытия в знании, причем приоритет остается за бытием:

...вся оригинальность его гносеологии уничтожается, если отбросить онтологию, так как оригинальность эта и заключается в том реалистическом тезисе, что всякая гносеология онтологична [7, с. 116–117].

Исходя из единства мира Лосский обосновывает условие познаваемости мира, условие того, что субъект способен единым взором охватить сложное содержание предмета:

...должно признать одно из двух: или мир во всех своих проявлениях имеет сторону, согласную принципам органического мировоззрения, тогда он познаваем, или мир не имеет такой стороны, и тогда знание о нем невозможно [24, с. 344].

Связь человека с миром осуществляется в первую очередь в форме сознания. Отношения субъекта познания и объекта определяются как своего рода координация, «гносеологическая координация». Всякий элемент мира вполне может быть трансцендентным по отношению к субъекту и тем не менее быть познаваемым в силу того, что он остается имманентным сознанию. Субъект ничего не привносит в опыт, субъект и объект находятся друг к другу в отношении гносеологической координации.

Так как сознание есть причинное отношение между субъектом и объектом, предстать в качестве членов этого отношения могут не только материальные предметы, но и любые другие, например, чужое я, чужие психические состояния.

В строении сознания и знания, ни в субъекте, ни в предмете знания нет никаких препятствий для такого восприятия, и потому может и должно быть принято непосредственное свидетельство сознания, что чужая душевная жизнь дана в восприятии [21, с. 193–194].

Я обладает способностью непосредственно сознать не только свои состояния, но и состояния, входящие в другие субстанциональные единства, состояния других я. Эту способность Лосский называет интуицией, а процесс сознания чужих состояний — непосредственным сознанием внешнего мира. Тем самым интуиция, как способность непосредственного знания получает обоснование изнутри структуры сознания как определенного рода отношений, складывающихся между человеком и миром, при которых человек пассивен и ничего не привносит в окружающий его мир.

Онтологическая природа интуиции у Н. О. Лосского раскрывается в понимании им мира как органического целого, наличным содержанием ее

служат проявления субстанциональных деятелей. Условия существования всех конкретных целых вещей и событий, протекающих в нашем трехмерном мире, находятся где-то за пределами трех измерений. «...Материальная система содержит в себе кроме пространственной множественности еще другую сторону — сверхпространственную единую, связывающую в нечто целое то, что в пространстве удалено друг от друга» [24, с. 364]. Сами по себе вещи и события обладают пространственными, временными и прочими признаками трехмерного мира, отношения же, не являющиеся чувственным содержанием восприятия, Лосский относит к категории отвлеченно-идеального бытия, т. к. они не самостоятельны, не могут существовать в отрыве от элементов. Характерные черты отношений проявляются в их вневременности и внепространственности. «...Отношения времени суть вневременные условия времени» [24, с. 363]. То же самое и относительно связей пространственных — они суть внепространственные условия пространства.

В силу активности субъекта, обладающего свойствами сверхвременности и сверхпространственности, Лосский определяет субъект, как конкретно-идеальное бытие — «субстанциональный деятель» [24, с. 370].

Реальный мир, не утрачивая своей действительности, превращается в мир представлений, хотя никогда не укладывающийся полностью в человеческое представление. Возможность истинного знания обеспечивается, во-первых, тем, что мы принимаем действительность как вечно тождественную себе, во-вторых, тем, что достаточным основанием в нашем знании выступает сама действительность в подлиннике. Критерий истины состоит в наличии самой действительности в подлиннике в акте знания. То, что есть, дает знанию возможность быть. Интуитивизм раскрывает возможность мыслить наиболее непредвзято, хотя и не обрекает мышление на истинность.

Помимо творческой интеллигенции и ряда ученых-естественников, гносеология Н. О. Лосского вызвала интерес в среде профессионального научного сообщества философов. В 1904 г. начала публиковаться его работа, написанная на соискание докторской степени, под названием «Обоснование мистического эмпиризма» [9], а в 1906 г. в свет вышла отдельной книгой (первое издание) под названием «Обоснование интуитивизма (мистический эмпиризм)». Книга была замечена критикой (исследованию этой полемики посвящен ряд работ, напр. [6]), в результате чего в журналах и отдельными изданиями появились работы по ряду вопросов, затронутых Лосским также в «Основных учениях психологии с точки зрения волюнтаризма» [26].

В полемику включаются А. И. Введенский, Л. М. Лопатин, С. А. Аскольдов, В. Н. Ивановский, С. И. Поварнин, Н. А. Бердяев, К. М. Милорадович (Ксения Михайловна Милорадович (1882 — после 1938)). В 1906 г. она окончила Историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге (ВЖК), где лекции читал проф. А. И. Введенский. С 1909 г. по 1926 г. К. М. Милорадович работала в библиотеке ВЖК, а в 1926 г. в Библиотеке Академии наук. В 1927 г. она была арестована и выслана в Саратов. В 1930 г. вернулась в Ленинград, работала в Государственной публичной библиотеке. В 1935 г. была вновь арестована и выслана на 5 лет в Куйбышев. В апреле 1937 г. была приговорена к шести годам

исправительно-трудовых лагерей и поражению в правах на 5 лет. Сведения о ее жизни после 1938 г. не известны. Публикации ее статей, рецензий и переводов можно встретить на страницах «Журнала Министерства народного просвещения», «Русская мысль», «Мысль», в сборнике «Новые идеи в философии» [35; 40]). П. В. Мокиевский (Павел Васильевич Мокиевский (1856–1928) не был профессиональным философом. В течение длительного времени он входил в редколлегия журнала «Русское богатство», а с 1890 по 1908 г. был штатным рецензентом журнала «Вопросы философии и психологии» [16]).

Наиболее проблемным оказался вопрос о статусе метафизики. Что это — наука? Система наук? Либо науки не исчерпывают содержания метафизики? Либо вообще, метафизика не может претендовать на научность? «Непримиримый друг» (см., напр.: [12]) Н. О. Лосского А. И. Введенский пишет: «Не ясно ли, что Лосский сознает, чувствует всю разнородность метафизики с математикой и естественными науками, равно как и обусловленную ею непозволительность называть все это одним общим именем?» [8, с. 429]. «Сам интуитивизм, т. е. само отождествление представления с истинным бытием остается у Лосского, хотя и против его воли, допущенным только в виде недоказуемой веры, а поэтому интуитивизм никоим образом не может служить отправным пунктом для доказательств возможности метафизики в виде знания» [8, с. 279], — оглашает А. И. Введенский приговор интуитивизму.

Л. М. Лопатин ставит под сомнение доказанность фундаментального принципа Лосского, что познаваемый мир имманентен процессу знания; что он непосредственно открыт ему не только в своем бытии, но и в своем внутреннем единстве и во всех своих связях [19].

С. А. Аскольдов обращает внимание на употребление Лосским понятия не-я [2]. То, что отделяет Аскольдова от теории Лосского, заключается в

признании преимущественной роли, как в воспроизведении чужой душевной жизни, так и в воспроизведении всего остального мира опосредствованного знания, которое в теории Лосского все целиком превращается в знание непосредственное [1, с. 107].

Вл. Ивановский критикует Лосского за то, что тот в своей теории состав «данного мне» определил сравнивающей и опознающей деятельностью, которая носит всецело субъективный, индивидуально-случайный характер и которая никакой гарантии правильности своих результатов не дает [14].

К. М. Милорадович критикует теорию Лосского за опасную близость к субъективизму:

Субъективный элемент в виде отождествлений и различений, принадлежащий психической деятельности акта познания, не устранен из интуитивизма, и Кантовская проблема: «как возможно объективное знание», — остается во всей своей силе и для него [31, с. 160].

Полемика обнаружила различие авторов в понимании значения и механизма восприятия. Так, Аскольдов, признавая, по существу, разделение внетелесной и внутетелесной транссубъективности очень удачным, отмечает полную незаконность его в гносеологии Лосского:

Автор интуитивизма не обращает внимание на противоречие его точки зрения самым общим условиям восприятия, хотя бы потому что восприятия обыкновенно происходят все-таки при посредстве органов чувств и при выключении этой промежуточной инстанции исчезают [2, с. 437].

Различение Лосским сфер чувственно воспринимаемого на внутрителесную и внетелесную, признание всех ощущаемых свойств вещей за их реальные собственные свойства не устраивает Л. М. Лопатина:

Автор не хочет заметить, как мало вяжется его толкование с предположением о непосредственной наличности в нашем сознании всех воспринимаемых вещей вообще; ведь тогда непосредственное восприятие не выходит за рамки нашего собственного организма [19, с. 195].

На этом основании Лопатин называет теорию Лосского невыясненной и недоказанной.

П. Мокиевский обращает внимание, что двойственная роль внутрителесного транссубъективного ввела Лосского в заблуждение, что он построил все свое учение на не замеченной им логической ошибке, известной под названием *quaternio terminorum* [32].

На ту же самую логическую ошибку в рассуждениях Лосского указывает А. И. Введенский: «...интуитивизм построен Лосским с помощью ошибки *quaternio terminorum* и насквозь пропитан ею, так что составляет прежде всего игру словами» [8, с. 278].

Следует особо упомянуть об острой и «колкой» полемике, возникшей у Н. О. Лосского с С. И. Поварниным. Философы не достигли взаимопонимания, причем существенную роль здесь сыграл ответ Лосского на первую критику Поварнина, где автор интуитивизма взялся поучать своего оппонента, а с ним и всех, дерзающих сочинять критики, как это следует делать. Оппонент, не ожидая ничего подобного, не желая оставаться «в дураках», сочинил повторную критику, в которой уже не стал скупиться на краски, обрисовывая облик спорных, по его мнению, положений, а заодно с ними и своего «поучителя»... [36; 37; 27]

В пяти пунктах по-научному строго выражает свои общие замечания С. И. Поварнин: 1. В психологии Лосского требование «волюнтаризма» противоречит требованиям его учения о знании. 2. Учение о суждении принимает последовательно три исключаящие друг друга и недостаточные по существу формы. 3. Субъективная и объективная стороны знания оказались при этом в непримиримом противоречии. 4. Критерий истины недостаточен и противоречит другим взглядам Лосского. 5. Лосский утверждает все время, что мир познается в оригинале, сам усердно доказывает противное.

Другим поводом для критики стал реализм Лосского. По этому поводу высказываются Вл. Ивановский [14] и Н. А. Бердяев. «Труднее всего понять реализм Лосского, его возвращение к бытию» [7, с. 98]. Для Бердяева книга Лосского характеризует

переход от философии формальной к философии материальной, от индивидуалистического понимания процесса знания к пониманию соборному. Интуитивная

теория знания должна вести к новому освещению старого спора знания и веры... [7, с. 105]

Аскольдов и, в большей мере, Бердяев замечают, что, если знание в теории Лосского приобретает онтологическую обоснованность, вполне можно было бы ожидать, что Лосский затронет вопрос о том, каким образом греховность, «падшесть» мира сего отражается на человеческом знании о нем же. «... Мир в грехе лежит, а интуитивная философия Лосского упреждает наступление Царствия Божия и тем признает формы этого мира вполне совершенными» [3, с. 569–570]. Бердяев упрекает автора интуитивизма за то, что тот впал в «гносеологический оптимизм», что не дало возможности освещения проблемы лжи в восприятии мира и познании [7, с. 115].

...В применении к человеческой природе, он (интуитивизм. — А. Н.) оказывается во многих местах <...> необузданным гносеологическим оптимизмом... Если бы автор имел смелость назвать свою гносеологию божественной, он несомненно был бы гораздо более прав, чем называя ее теорией человеческого знания [2, с. 441].

Н. А. Бердяев высказывает едва ли не пророческую мысль: «Замечательная книга Лосского выражает тот глубокий кризис всей новейшей философии, после которого оказывается внутренне неизбежным переход к сознательному мистицизму» [7, с. 98]. Он определяет тяготение гносеологии Лосского к русской философии. Правда, метод у Лосского отличается от русских метафизиков, которые, по мнению Бердяева, недостаточно считались с новейшими течениями в философии.

Подводя некоторый итог полемике, можно с достаточной точностью провести «осевую» линию, которая разделила подходы философов, определив тех из них, кто, внутренне принимая «бытийственность» знания, начинает выстраивать метафизические системы, имея перед собой задачу, которая коротко может быть выражена в следующей форме: «...вслед за Вл. Соловьевым все шире разрастается движение, целью которого является построение православно-христианского мировоззрения» [28, с. 89].

Идею его составляет понимание мирового бытия как основывающегося на нераздельном и в то же самое время неслиянном единстве с Богом. Высшее выражение этого принципа, который в собственно христианском истолковании раскрывается в учении о Иисусе Христе как Богочеловеке, о Церкви Христовой и Царстве Божием, по-разному истолковывается в учениях Вл. Соловьева, кн. Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Н. О. Лосского [5].

Согласно учению Лосского, основание целесообразности мировой организации состоит в творческом акте Бога, полагающем совокупность сверхвременных элементов бытия — субстанциональных деятелей, которые вполне способны самостоятельно организовать совершенное целое в силу того, что каждый имеет определенное индивидуальное назначение и, выполняя его в своей деятельности, оказывается элементом Царства Божия. Полагая свою деятельность в иное русло, часть субстанциональных деятелей отпадают

от Царства Божия и образуют несовершенную, в силу ограниченности их способностей, сферу мира — душевно-материальный мир. Однако ни один субстанциональный деятель не способен полностью и абсолютно отпасть от жизни Царства Духа. Душевно-материальному миру и каждому его элементу в отдельности присущ Отвлеченный Логос. То же, что в конце концов из всех частных проявлений субстанций и их сообществ образуется единый мир, объясняется тем, что в их основании стоит Дух — Высшее начало. Дух обнаруживает себя в душевно-материальном мире, обнаруживает себя в живой связи: через Откровение. Дух воплощается в Богочеловеке Иисусе Христе, открывающем возможность отпадшим элементам мира реально обрести спасение. Явление Богочеловека обосновывает абсолютную религиозную ценность всякому проявлению субстанции, выстраивает иерархию ценностей.

Смысл и цель земного существования видится в восхождении от низших форм бытия к высшим. Возможность же самого восхождения определяется наличием в истории земного существования момента, который, с одной стороны, фактом своего наличия обуславливает и реально утверждает иерархию ценностей бытия, а с другой — раскрывает возможность каждому отдельному индивиду приобщиться к этой иерархии и реально подняться по ней. Причем основой самого этого акта выступает Любовь — к Богу и тварям Божиим, Любовь не как субъективный психический процесс, а как реальное онтологическое начало, которое обладает творческой мощью преобразовывать твари до глубины их бытия. Таким образом, Любовь выступает основанием связи мира с Абсолютным началом — в основе творения мира находится Любовь, эта же сила способна приобщить человека к Абсолютному.

В окончательной редакции свою философскую систему Лосский называет конкретным идеал-реализмом, как «философию живого бытия: он приучает к интуитивному видению конкретно-идеальных начал, а созерцание их ведет к постижению целесообразности бытия, свободы, творчества, жизни» [23, с. 57].

Вопрос преемственности интуитивизма в истории русской философии, о чем мы уже писали в начале статьи, решается неоднозначно. С одной стороны, в «Истории философии» автор философии интуитивизма обнаруживает внутреннюю преемственность своих философских воззрений практически со всей плеядой русских религиозных мыслителей. В определенном смысле с подобным подходом можно согласиться, вместе с тем, едва ли кто-либо и указанных философов имел склонность относить свои воззрения к философии интуитивизма в собственном смысле слова. Тем самым, в действительности, здесь речь может идти о преемственности философии интуитивизма общей традиции русской религиозной философии, а не наоборот.

Однако, несмотря на то, что как таковой «школы философии интуитивизма» в русской философии не состоялось, среди своих последователей Лосский называет Д. В. Болдырева и С. А. Левицкого [22, с. 377]. Д. В. Болдырев в своем исследовании под названием «Знание и бытие» утверждает вездесущность объекта-образа во времени и пространстве в видоизменяющейся степени и формулирует положение, что вещи-образы взаимопроницаемы, т. е. что «все существует во всем». С. А. Левицкий в основном исходит из теории Лосского, развивая и несколько по-своему интерпретируя этическую часть учения.

Особого упоминания заслуживает сборник философских статей под названием «Пути реализма» [39] (напечатан в Москве на средства авторов тиражом 500 экземпляров. Н. О. Лосский был знаком со сборником и считал авторов последователями его теории, см. [22; 28]), вышедший в свет в 1926 г., несмотря на энтузиазм новой власти по борьбе с «неблагонадежной» интеллигенцией.

Задачу сборника Б. Н. Бабынин формулирует как раскрытие гносеологической необходимости реализма. Авторы

сближает общность реалистического направления в решении гносеологической проблемы внешнего опыта и, что особенно важно, та интуитивистическая форма этого решения, которая упраздняет антагонизм между философской теорией и жизненной практикой, устанавливая между ними гармонию [39, с. 3].

Следование «Пути реализма» означает освобождение субъекта познания от т. н. субъективных содержаний восприятия, ошибочно постигаемых субъектом в качестве противостоящей ему объективной действительности.

Б. Н. Бабынин формулирует в общем виде позицию критического реализма:

В акте т. н. чувственного восприятия внешних вещей, которое тесно связано с интеллектуальной интуицией раскрывается и утверждается и сверхпространственность субстанциональных корней сущего и пространственный (качественный) характер их манифестаций, их обнаружений при реализации своего бытия [4, с. 88].

Внешний сознанию мир реально существует и познается в подлиннике. А наше восприятие не субъективно в точном смысле этого слова, оно индивидуально, персоналистично и, что самое главное, многомерно.

Феноменологически раскрывающийся процесс восприятия устанавливает «сверхпространственность нашего познающего “Я” и субстанциональных корней внешней ему действительности» [33, с. 87], — дополняет эту мысль по-своему А. И. Огнев.

П. С. Попов устанавливает, что без обращения к универсальным началам бытия, оставаясь на уровне познания объективных свойств качественно разнобразного, мы не окажемся в области реального ведения. Отсюда он просняет путь реалистической философии:

...если действительно главная задача умозрения в постижении сущего, как оно по себе есть, и если эта задача реально выполнима, то постановка ее сопровождается убеждением <...>, что категории ума законно довершают или определяют предстоящую мысли наличность в ее существенных чертах [38, с. 118].

В рассуждениях Попова знание приобретает характер органического целого, а его «органичность» получает свое обоснование в сфере интуитивного, выступающего теперь единственно реальным.

Авторы сборника, в отличие от Н. О. Лосского, не пытаются разрешить проблему отношений элементов мира и определить их статус, они не ставят в отчетливой форме проблемы познающего субъекта и, соответственно, не определяют философского статуса последнего.

На страницах сборника несколько раз фигурирует фамилия Лосского без цитат и названий работ, что явно вызвано последствиями событий 1922 г.,

и вместе с тем авторов явно не могла устроить приставка «идеал» в идеал-реализме Лосского. Эта приставка, даже по мнению самого Лосского, отнюдь не упрощает решение проблемы. Лишь в самом конце своей статьи А. И. Огнев намечает путь решения: «...допущение непосредственного восприятия внешних реальностей в оригинале неизбежно влечет за собой пересмотр традиционного учения о т. н. непротяженности психической» [33, с. 94]; «сознание тоже становится в известном смысле пространственным» [33, с. 94], когда оно осознает свою сверхвременную и сверхпространственную основу — остов, который составляет сфера интуитивного.

Во время вынужденной эмиграции Н. О. Лосский активно развивал свою философскую теорию, преподавал и выступал в различных европейских и американских университетах в Праге, Париже, Белграде, Лондоне, Варшаве, Братиславе, Стэнфорде, Нью-Йорке. Его работы были востребованы не только среди русской диаспоры, но и у тех западных ученых, чьи интересы так или иначе затрагивали русскую культуру и русскую философию.

На родине философии интуитивизма несколько десятилетий имя ее основателя и его теоретические воззрения были преданы забвению. Из работ советского периода, посвященных творчеству Лосского, две самые ранние (1958 и 1963 гг. соответственно) принадлежат И. П. Чуевой [44; 45]. В конце 80-х — начале 90-х гг. печатаются основные произведения Н. О. Лосского, что обращает к его творчеству многих исследователей русской мысли: в 1987 г. появляются работы П. П. Гайденко, затем Н. Н. Старченко, В. Я. Перминова и ряда других авторов. На сегодняшний день библиография напечатанных в России работ, посвященных творчеству Лосского, весьма обширна. Одних диссертационных исследований порядка 17! Значит — традиция наследуется. Обнаруживая себя в исследованиях по истории русской философии, мы продолжаем преемственность этой традиции, утверждая не только «архивную» ее ценность, но «одействование» ее философской истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Мысль и действительность. — М., 1914.
2. Аскольдов С. А. Новая гносеологическая теория Лосского // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. — 1906. — Ч. V. — С. 413–441.
3. Аскольдов С. А. К вопросу о гносеологическом интуитивизме (Ответ Лосскому на его статью «В защиту интуитивизма») // Вопросы философии и психологии. — 1908. — Кн. 94. — С. 561–570.
4. Бабынин Б. Н. Критика наивного реализма // Пути реализма. Сборник философских статей. — М., 1926. — С. 7–36.
5. Балахонский В. В. Развитие методологии социально-исторического познания в трудах В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии: Сб. научных трудов. — СПб., 2015. — С. 351–356.
6. Баранец Н. Г. Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XIX — начале XX века: в 2 ч. — Ульяновск: УлГУ, 2007. — Ч. 1.

7. Бердяев Н. А. Философия свободы. — М., 1911. (То же: Об онтологической гносеологии // Вопросы философии и психологии. — 1908 — Кн. 93. — С. 413–440).

8. Введенский А. И. Логика как часть теории познания. 2-е, перераб. изд. — СПб., 1912.

9. Вопросы философии и психологии. — 1903, — Кн. 72–79.

10. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. — М.: Русский путь, 2005.

11. Ермичёв А. А. О наследовании в истории русской философии // Вопросы философии. — 2018. — № 8. — С. 96–103.

12. Ермичёв А. А., Никулин А. Г. А. И. Введенский и Н. О. Лосский: критицизм и интуитивизм в Санкт-Петербургском университете // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 103–119.

13. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. — СПб., 1995.

14. Ивановский Вл. О некоторых недоразумениях, вызываемых «интуитивизмом» Лосского. — Казань, 1913.

15. Ковтун Е. Ф. Письмо Филонова к Вере Шолпо // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома за 1977. — Л.: Наука, 1979. — С. 227–231.

16. Колмаков В. Б. Ценность жизни в русском позитивизме. П. В. Мокиевский, И. И. Мечников // Вестник Воронежского государственного университета. — 2016. — № 1. — С. 22–40.

17. Крученных А. Е. Взрваль. — СПб., 1913.

18. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. — М., 1991.

19. Лопатин Л. М. Новая теория знания // Вопросы философии и психологии. — 1907. — Кн. 87. — С. 185–206.

20. Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. — М.: Викмо — Русский путь, 2008.

21. Лосский Н. О. Восприятие чужой душевной жизни // Логос. — 1914. — Т. 1, вып. 2. — С. 189–200.

22. Лосский Н. О. История Русской философии. — М., 1991.

23. Лосский Н. О. Конкретный и отвлеченный идеал-реализм // Мысль. — 1922. — № 1. — С. 4–12; № 2. — С. 51–57.

24. Лосский Н. О. Мир как органическое целое. — М., 1991.

25. Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. — М.: Правда, 1991.

26. Лосский Н. О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. — СПб., 1903.

27. Лосский Н. О. Ответ Поварнину на критику интуитивизма. — СПб., 1911.

28. Лосский Н. О. Русская философия в XX веке // Записки Русского научного института в Белграде. — Белград, 1931. — Вып. 3.

29. Малевич К. С. Письма к М. В. Матюшину / публ. Е. Ф. Ковтуна // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. — Л.: Наука, 1976. — С. 177–196.

30. Матюшин М. В. Манифест «Зорвед» // Жизнь искусства. — Пг., 1923 — № 20.

31. Милорадович К. М. Рецензия на «Введение в философию» Н. О. Лосского // Журнал Министерства народного просвещения. — 1912, май. — С. 157–161.

32. Мокиевский П. Рецензия на «Обоснование интуитивизма» Н. О. Лосского // Русское богатство. — 1907. — № 10. — С. 171–177.

33. Огнев А. И. Сознание и внешний мир // Пути реализма. Сборник философских статей. — М., 1926. — С. 63–94.
34. Осипов И. Д. Традиции философского образования в Петербургском университете // Вестник СПбГУ. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2016. — Вып. 3. — С. 54–64.
35. Письма К. М. Милорадович к Э. Л. Радлову (1907–1925) / публ. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 2015 год. — СПб., 2016. — С. 554–636.
36. Поварнин С. И. Об «интуитивизме» Лосского. — СПб., 1911.
37. Поварнин С. И. Разбор «ответа» Лосского на мою критику интуитивизма. — СПб., 1912.
38. Попов П. С. О реальности категорий // Пути реализма. Сборник философских статей. — М., 1926. — С. 99–132.
39. Пути реализма. Сборник философских статей. — М., 1926.
40. Синельникова Е. Ф., Соболев В. С. Воскрешая величавые образы мыслителей. Из истории Петербургского философского общества (1897–1923) // Петербургский исторический журнал. — 2016. — № 3. — С. 150–166.
41. Туфанов А. В. К зауми. — Л., 1924.
42. Филонов П. Н. Декларация «Мирового Расцвета» // Жизнь искусства. — 1923. — № 20. — С. 13.
43. Цурикова Г. М., Кузьмичев И. С. Странная профессия — писательство // Ухтомский А. Интуиция совести. — СПб., 1996. — С. 3–22.
44. Чуева И. П. Критика идей интуитивизма в России. — М.; Л., 1963.
45. Чуева И. П. Критика теории познания «русского интуитивизма» // Вестник ЛГУ. — 1958. — № 11.